

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Центр истории частной жизни и
повседневности

**РЕТРОСПЕКТИВНАЯ
ИНФОРМАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ:
ОБРАЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Сборник статей
под редакцией
О.И. Тогоевой,
И.Н. Данилевского

Москва
2013

М.А. Бойцов

(НИУ-ВШЭ, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Нюрнбергская часть Золотой буллы 1356 г.: аспекты проспективный и ретроспективный*

Любой сегодняшний закон носит не только прескриптивный, но и проспективный характер. Иными словами, закон формулирует и предписывает определенную норму, которая должна выполняться, начиная с момента его принятия и далее в течение неопределенно длительного времени: в идеале – вечно, на практике же – до первого столь существенного изменения обстоятельств, что потребует создание нового закона. Мысль законодателя обращена тем самым в будущее и именно на него стремится оказать воздействие: придать грядущему желательные черты или же, напротив, избавить его от нежелательных. Это не означает, конечно, что сегодняшний закон начисто лишен элементов ретроспекции. Во-первых, определяя «правильный» порядок вещей на будущее, закон имплицитно подразумевает то или иное несогласие с порядками, существовавшими в прошлом вплоть до сегодняшнего дня, – иначе откуда возникла бы необходимость их менять? Во-вторых, появление многих законов было вызвано тем или иным казусом – конкретным событием, произошедшим в недавнем прошлом. Правда, в тексте закона обычно тщетно было бы искать упоминания о таком поводе к его возникновению, поскольку современная юриспруденция исходит из постулата, что закон должен иметь дело с общим, а не единичным. Соответственно, ретроспективное содержание такого закона выявляется не в самом тексте, а во внетекстовых обстоятельствах его появления. В целом, «ретроспективность» в современном законодательстве намного уступает «проспективности». Однако существующий сегодня способ «согласования времен» вовсе не обязательно идентичен правовым системам европейского Средневековья. Общее между «нами» сегодняшними и «ими» средневековыми состоит, скорее, в

---

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0122 «Золотая булла императора Карла IV Люксембурга 1356 г.: структура текста, особенности метафорических рядов и смысл политических церемоний», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

отсылке законодателя к вневременным, вечным сущностям, будь то право божественное или естественное, принципы справедливости, «общего блага», и т.п. Некоторые специфические элементы ретроспективности, присущие прежде всего раннесредневековому обычному праву, основываются как раз на вневременных истинах. Любые разыскания «старого закона» были бы бессмысленны, не предполагая у него вневременной основы, позволяющей применить его сегодня и завтра – точно так же (на взгляд современников), как вчера, позавчера и в любые старые добрые времена.

«Темпоральное» содержание так называемой Золотой буллы 1356 г. – едва ли не самого известного правового памятника средневековой Священной Римской империи¹, – как будет показано ниже, еще сложнее: в ней проспективные и ретроспективные элементы комбинируются весьма причудливым образом. Между тем историки до сих пор почти не замечали этой яркой особенности хрестоматийного текста, который одно время даже было принято величать «первой конституцией Германии». Подавляющее большинство их исходило из того, что, как и в современных конституциях, законодатель был озабочен «улучшением будущего». Именно такой взгляд представлен во множестве научных, учебных и популяризаторских публикаций, рассказывающих с теми или иными вариациями о том, как Карл IV собрал князей, чтобы установить порядок избрания короля Римского, – порядок, которому суждено будет соблюдаться вплоть до самого упразднения Священной Римской империи в 1806 г. Единственное пока исследование, в котором была сделана делается попытка продемонстрировать разнообразие временных измерений в тексте Золотой буллы и взглянуть на нее через призму культуры памяти и *Memoria*, – это вышедшая несколько лет назад статья Дж.Р. Эстерле².

Здесь нет возможности углубляться в выяснение того, для какой цели император Карл IV дважды подряд созывал князей империи – в конце 1355 г. в Нюрнберге и в конце 1356 г. в Меце – и каково

---

¹ См. о Золотой булле прежде всего краткие справки: *Johanek P. Goldene Bulle // VL. Bd. 3. Berlin; N.Y., 1981. S. 84–87; Wolf A. Goldene Bulle von 1356 // LexMA. Bd. 4. Lachen, 1999. S. 1542–1543. Подробнее: Laufs A. Goldene Bulle // HRG. Bd. 1. Berlin, 1971. S. 1739–1764. Обновленную версию той же статьи см. в новом, полностью переработанном, издании: HRG. Bd. 2. Berlin, 2009. S. 448–457. Имеющимся русским переводом необходимо пользоваться с осторожностью: *Леонтьевский А.В. «Золотая булла» Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1998.**

² *Oesterle J.R. Kodifizierte Zeiten und Erinnerungen in der Goldenen Bulle Kaiser Karls IV. // ZHF. 2008. Bd. 35. S. 1–29.*

было значение принятых там установлений. (Тогда у них не было собственного имени³: лишь примерно полвека спустя канцеляристы придумали обозначение «Золотая булла», – сугубо формальное и никак не отражавшее содержание документа). Лишь по мере необходимости упоминая суть тех или иных норм, вошедших в нюрнбергскую часть сборника, пройдемся по основным его структурным единицам от начала к концу в поисках необычных временных соответствий.

Два пролога

Золотая булла открывается двумя прологами – первым в стихах (своего рода вступительной молитвой) и вторым в прозе⁴. Прозаический пролог, судя по его структуре, «склеен» из двух разных по стилю и происхождению частей. Вторая (она начинается со слов “*Sane cum ex officio...*”) – более конкретная по содержанию – видимо, представляла собой изначально аренгу к отдельному императорскому эдикту (к которому мы еще вернемся). Первая же часть прозаического пролога, исполненная пафоса, обращений к Гордыне, Зависти и даже самому Сатане, вероятнее всего была написана вместе с молитвой под занавес нюрнбергского собрания – после согласования всех принятых там установлений. Вводные вирши не отличаются изяществом и наводят на мысль, что их автор – которого охотнее всего усматривают в канцлере

---

³ А. Вольф предположил, что «подлинным» названием Золотой буллы было “*Das Kaiserliche Rechtsbuch*”, что можно приблизительно перевести как «Императорская правовая книга»: Wolf A. Das “*Kaiserliche Rechtsbuch*” Karls IV. (sogenannte Goldene Bulle) // *Jus Commune*. Bd. 2. 1969. S. 1–32. Основанием для предположения послужило то, что в 1361 г. Карл IV именно так мельком назвал Золотую буллу (“...*unser kaiserliches rechtbuch...*”). Как справедливо заметил М. Линднер, единичный случай не дает оснований усматривать здесь «основное» обозначение Золотой буллы: Lindner M. Es war an der Zeit. Die Goldene Bulle in der politischen Praxis Kaiser Karls IV. // *Die Goldene Bulle: Politik–Wahrnehmung–Rezeption* / Hrsg. von U. Hohensee, M. Lawo, M. Lindner, M. Menzel, O.B. Rader. Bd. 1. Berlin, 2009 (Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Berichte und Abhandlungen, Sonderbände, 12). S. 93–140, здесь S. 99, 101.

⁴ Здесь используется издание: *Die Goldene Bulle vom 10. Januar und 25. Dezember 1356–lateinisch und frühneuhochdeutsch* / Bearb. von W. Fritz // *MGH Const.* T. 11. Weimar, 1988. S. 535–633. По нему же указываются и страницы в дальнейших ссылках на Золотую буллу.

Иоганне Ноймарктском⁵ – очень торопился⁶. Как стихи, так и проза содержат мифологические, библейские и исторические реминисценции: здесь поминаются и Алектто, и Мегера, и Адам, и Троя с Еленой и ее (первым) мужем, и Римская империя с Юлием Цезарем и Помпеем. Первая же строка прозаического пролога является цитатой из Евангелия от Луки, благодаря чему выходит (как заметил Б.-У. Хергемёллер), что законодатель (т.е. император) обращается к читателю легко узнаваемыми словами Христа⁷. Несколькими строками ниже используемые автором образы (прежде всего «семь светильников») вызывают у читателя ассоциации с предстоящим Апокалипсисом⁸. Дж. Эстерли, конечно, права, когда пишет, что авторы Золотой буллы сознательно вписали ее нормы в очень широкий легендарно-исторический временной континуум⁹. Она, однако, не замечает, что в витиеватых выражениях пролога содержатся не одни лишь отвлеченные ученые аллегории, и что прошлое, на которое здесь намекают, отнюдь не так глубоко, как может показаться на первый взгляд.

Подробный разбор характерных метафор, разбросанных по Золотой булле, прежде всего в ее вводных разделах, выявил в «цветах красноречия» вполне актуальный политический смысл,

---

⁵ Так уже в: *Hahn O.* Ursprung und Bedeutung der Goldenen Bulle Karls IV. Auf Grund der Untersuchung des Inhalts, der Disposition und der Sprache. Breslau, 1902. S. 48–49. См. также: *Hergemöller B.-U.* Der Nürnberger Reichstag von 1355/56 und die “Goldene Bulle” Karls IV. Inaugural-Diss. Münster (Westfalen), 1978. S. 375–395; и более развернутое изложение того же в: *Idem.* Die Verfasserschaft der “Goldenen Bulle” Karls IV. // *Bohemia.* Bd. 22. 1981. S. 253–299. В частности, Б.У. Хергемёллер убедительно спорит с К. Цоймером, который отрицал особый вклад Иоганна Ноймарктского в создание памятника: *Zeumer K.* Die Goldene Bulle Karls IV. Teil 1. Weimar, 1908 (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches un Mittelalter und Neuzeit, 2/1). S. 179–180.

⁶ *Hergemöller B.-U.* Fürsten, Herren und Städte zu Nürnberg 1355/56. Die Entstehung der “Goldenen Bulle” Karls IV. Köln; Wien, 1983 (Städteforschung, A/13). S. 168.

⁷ *Idem.* Die Eröffnung der “Goldenen Bulle”. Vorgebet und Proklamationsdiplom von “Omne regnum” unter metaphorologischen und exegetischen Aspekten // *Cogor adversum te.* Drei Studien zum literarisch-theologischen Profil Karls IV. und seiner Kanzlei. Warendorf, 1999 (Studien zu den Luxemburgern und ihrer Zeit, 7). S. 127–221, здесь S. 148–149.

⁸ *Ibidem.* S. 161–162.

⁹ *Oesterle J.R.* Op. cit. S. 5–6.

пуская и риторически закамouflированный¹⁰. Не повторяя аргументов, изложенных в ранее опубликованной статье, отметим лишь, что смысл этот был «ретроспективным». Такие образы в прологах, как «старинный яд зависти», поразивший якобы как государей, так и князей и приведший к «разделению» – *divisio*, – корню всевозможных бед, отсылают, похоже, к одному конкретному политическому эпизоду¹¹. После неожиданной кончины в 1313 г. Генриха VII Люксембурга – императора Священной Римской империи (и деда Карла IV) – две группы германских князей в октябре 1314 г. избрали с разницей в один день двух королей Германии: Фридриха Габсбурга и Людвига Виттельсбаха. Этот последний в истории Германии случай «двойного избрания» положил начало длительной смуте, которая не окончилась ни с военной победой Людвига в 1322 г., ни даже с кончиной Фридриха в 1330 г. Из-за затянувшегося конфликта Людвига со Священным престолом власть Виттельсбаха многими оспаривалась вплоть до самой его смерти в 1347 г.¹² Карл IV и сам активно участвовал в противостоянии: в 1346 г. его избрала королем «пропапская» группа князей, с тем чтобы он низложил Людвига. До серьезной борьбы дело не дошло только потому, что Виттельсбах вскоре скончался. Императорская коронация Карла IV в Риме в апреле 1355 г. означала долгожданное появление у империи полностью легитимного главы – впервые с 1313 г. Именно в свете этой коронации и следует рассматривать Золотую буллу – собрание установлений, которыми новый император торжественно одарял империю, обретшую, наконец, своего главу после долгого и мучительного раскола. Другое дело, что в ходе переговоров с князьями в декабре 1355 и январе 1356 г. в Нюрнберге, а позже и в Меце проекты Карла IV претерпели серьезные изменения. Кроме того, их пришлось дополнить разными установлениями, императором изначально вовсе не

---

¹⁰ Подробно см.: *Бойцов М.А.* Золотая Булла 1356 г.: империя как тело, виноградная лоза и «священное здание» // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 89–120.

¹¹ Б.-У. Хергемёллер подробно останавливается на *divisio* из пролога, но усматривает здесь только набор абстрактных рассуждений: *Hergemöller B.-U.* Die Eröffnung der “Goldenen Bulle”. S. 211–213.

¹² Это ощущение перетекания одной смуты в другую хорошо передано современником – хронистом Генрихом Таубе из Зельбаха (ум. 1364): *Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach mit dem von ihm verfassten Biographien Eichstätter Bischöfe* / Hrsg. von H. Bresslau. Berlin, 1922 (MGH SSrgermNS, 1). S. 30–32.

предусматривавшимися. Все это привело к такому усложнению структуры документа, что историки до сих пор не могут в ней до конца разобраться.

То, что самое начало Золотой буллы обращено скорее в прошлое, чем в будущее, тем важнее, что авторы обоих прологов как бы подводят итоги всей законодательной деятельности в Нюрнберге, и им нужно было в немногих словах выразить основную идею созданного ими свода разнородных постановлений. Судя по метафорике прологов, главное его содержание инициаторы усматривали в завершении смуты, начавшейся еще в 1314 г. Их взгляд, тем самым, оказывается преимущественно ретроспективным¹³.

Главы 1–2: вставка про *conductus*

Второй (после прологов) раздел Золотой буллы составляют первая и вторая главы. Для историков они представляются самыми важными во всем памятнике, поскольку именно в них говорится об избрании нового короля Римского, а в историко-правовой литературе главным «конституционным вкладом» Золотой буллы всегда считалось как раз определение порядка, по которому Священная Римская империя должна обретать своего государя. Вопреки всей историографической традиции недавно удалось выяснить, что эти две главы вовсе не были первыми по времени. Они появились лишь незадолго до конца нюрнбергского собрания: позднее них были записаны только главы 20–22, всё стихотворное вступление, оглавление и первая часть прозаического пролога¹⁴. Не имеют две первые главы и внутреннего единства: длинный раздел о *conductus* – гарантиях безопасности и охране для курфюрстов, едущих через чужие территории во Франкфурт избирать нового короля, – оказался при ближайшем рассмотрении вставкой. К тому же если раньше инициатива появления этих

---

¹³ Когда Б.У. Хергемёллер утверждает, что смуты, о которых вспоминают в Золотой булле, начались еще в 1250 г., он явно навязывает Карлу IV и его соратникам мышление сегодняшнего историка. Прагматической цели связывать собственную легитимацию со столь двусмысленной фигурой, как Фридрих II, у Карла IV – папского ставленника – никак не могло быть: *Hergemöller B.-U. Fürsten, Herren und Städte. S. 162.*

¹⁴ Подробно см.: *Бойцов М.А.* Какую реальность отражает структура текста «Золотой буллы» 1356 г.? // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 105–135.

«параграфов» приписывалась архиепископу Майнцскому Герлаху фон Нассау (1353–1371)¹⁵ (в противоречии, надо признать, с их содержанием)¹⁶, то новая датировка позволяет идентифицировать в качестве их «автора» другого архиепископа – Вильгельма ван Геннепа Кёльнского (1349–1362), что предполагает уже совершенно иной политический контекст¹⁷. Помимо всего прочего, полностью меняется временная направленность данного раздела: теперь понятно, что он не проспективен (как подразумевалось до сих пор), а, напротив, сугубо ретроспективен. В самом деле, появление такой непропорционально долгой и подробной проработки одноединственного сюжета – беспрепятственного прибытия курфюрстов во Франкфурт – можно объяснить только событиями 1314 г. Тогда предшественник Вильгельма ван Геннепа на кёльнской кафедре, Генрих II (архиепископ с 1304 по 1332 гг.)¹⁸ оказался на стороне Фридриха Габсбурга. Он даже помазал на царство его у себя в Бонне из-за того, что Ахен (где по давней традиции коронуют королей Германии) признал государем Людвига Виттельсбаха. Но чуть ранее – когда обоих будущих королей-соперников еще только собирались избирать, – у Генриха возникло столько трудностей при обсуждении условий его проезда через земли соседей во Франкфурт¹⁹, что в конце концов он счел за благо остаться дома, опасаясь нападения сторонников Людвига Баварского – людей то ли властного архиепископа Трирского Боэмунда I Люксембурга (архиепископ с 1308 по 1354 г.)²⁰, то ли его

---

¹⁵ См. о нем краткую справку: *Hemmerle B. Gerlach, Graf zu Nassau // BBKL. Bd. 23. Nordhausen, 2004. S. 509–511.*

¹⁶ См. прежде всего: *Zeumer K. Op. cit. S. 125.*

¹⁷ *Бойцов М.А. Какую реальность отражает. С. 128–129.*

¹⁸ См. о нем прежде всего: *Tekolf O. Heinrich II. von Virneburg // BBKL. Bd. 27. Nordhausen, 2007. S. 630–633.*

¹⁹ Об этих трудностях свидетельствует лаконичная грамота архиепископа Петера Майнцкого (еще от 13 августа 1314 г.), попытавшегося было посредничать между коллегами из Кёльна и Трира по двум вопросам: об избрании нового короля и о проводе архиепископа Кёльнского на выборы во Франкфурта. Переговоры оказались безуспешными: *MGH Const. T. 5. S. 49. Nr. 53.*

²⁰ Об этой яркой фигуре см. прежде всего: *Persch M. Balduin von Luxemburg // BBKL. Bd. 15. Nordhausen, 1999. S. 55–57, с указанием дальнейшей литературы. Одна из последних публикаций – сборник Balduin von Luxemburg. Erzbischof und Kurfürst von Trier (1308–1354). Vorträge eines Kolloquiums in Trier im Juni 2008 / Hrsg. von Reiner Nolden. Trier, 2010.*

племянника, короля Чешского Иоганна Люксембурга (король с 1310 по 1346 г.)²¹, а, возможно, и архиепископа Петера Майнцского.

Теперь же Золотая булла требовала сурового наказания для курфюрстов (не говоря уже о князьях помельче или городах) за попытку создать препятствия любому князю-избирателю, отправляющемуся на выборы²². Поскольку нарушителю из числа курфюрстов теперь полагается лишение права голоса, то, между прочим, избрание Людвига в 1314 г. представало как минимум сомнительным. За него подали всего пять голосов, правомочность одного из них – восемнадцатилетнего чешского короля Иоганна Люксембурга – партия Фридриха с самого начала оспаривала, но за воспрепятствование прибытию во Франкфурт курфюрста

---

²¹ “Propter inimicicias, quas reverendus pater dominus Baldewinus Treverensis ecclesie archiepiscopus et spectabilis vir Iohannes comes Lutzemburgensis <...> cum ipsorum fautoribus et complicitibus contra nos habent, non possumus absque periculo corporis et rerum ad ipsum locum Frankenvort venire...” (MGH Const. T. 5. S. 86. Nr. 91). См. также: *Mühling C. Geschichte der Doppelwahl des Jahres 1314. Inaug. Diss. München, 1882. S. 81; Homann H.-D. Kurkolleg und Königtum im Thronstreit von 1314–1330. München, 1974 (Neue Schriftenreihe des Stadtarchivs München, 75; Miscellanea Bavarica Monacensia, 56). S. 116–117.*

²² Инициаторы и авторы вставки возвращаются к этой теме неоднократно. В первом «параграфе» за отказ предоставить безопасный проезд грозит, помимо обвинения в измене, лишение права голоса на предстоящих выборах: “Sub pena periurii ac perditionis, pro illa dumtaxat vice, sue vocis, quam in electione huiusmodi fuerat habiturus...” (Cap. 1. S. 564). Понятно, что нарушителем нормы здесь выступает другой курфюрст. В четвертом «параграфе» специально оговаривается тот случай, когда один курфюрст находится в споре с другим – даже это не дает основания отказать избирателю в безопасном проезде к месту выборов: “Si vero aliquis princeps elector cum aliquo suo coelectore inimicicias gereret et inter eos quecumque contentio, controversia seu dissensio verteretur, hiis nequaquam obstantibus alter alterum vel alterius nuncios ad electionem huiusmodi destinandos premissis modo conducere sit astrictus sub pena periurii ac perditionis, ea vice dumtaxat, sue vocis in electione, ut superius est expressum” (Cap. 1. S. 566–568). В «параграфе» же шестом за отказ от выполнения этого императорского распоряжения курфюрсту грозят уже потерей голоса, исключением из коллегии выборщиков и утратой не только курфюршеского статуса, но и всех имперских ленов: “Si quis autem princeps elector <...> supra et infra scriptas imperiales nostras constitutiones et leges adimplere noluerit aut eis contraire presumpserit <...> extunc ceteri sui coelectores a suo ipsum deinceps excludant consortio, ipseque voce electionis et aliorum principum electorum loco, dignitate careat atque iure, nec investiat de feudis, que a sacro imperio visus fuerit obtinere” (Cap. 1. S. 568).

Кёльнского его в любом случае следовало отстранить, – точно так же, как и его дядю – курфюрста Трирского Боэмунда I, – а заодно, пожалуй, и Петера Майнцкого, притом по одной и той же причине. Зато Фридрих мог к поданным за него трем голосам добавить четвертый – так и не доехавшего Генриха II Кёльнского – и тем самым убедительно выиграть выборы. Следовательно, справедливость с самого начала была на его стороне!

Страницы Золотой буллы предстают, таким образом, полем своего рода ретроспективной полемики о событиях 1314 г. Очень большая (почти с начала § 1 и вплоть до первых слов § 15 главы 1) вставка о *conductus* оказывается выпадом против Люксембургов, осуждением на имперском уровне их действий сорокалетней давности. Понятно, что включение такого раздела в Золотую буллу следует расценивать как уступку императора – сына одного из курфюрстов 1314 г. (короля Иоганна) и внучатного племянника другого (архиепископа Боэмунда I). Понятно, что столь серьезную уступку ему пришлось сделать единственному своему по-настоящему серьезному оппоненту в нюрнбергских переговорах – Вильгельму, архиепископу Кёльнскому²³. И столь же ясно, что такую цену можно было заплатить лишь за согласие Вильгельма с теми или иными пунктами законодательных инициатив Карла IV. «Исправлением минувшего» дело не ограничилось, архиепископ Кёльнский получил в Нюрнберге и другие выгоды, однако для нас существенно, что он не преминул «вторгнуться в прошлое» и настоять на собственном его видении.

Главы 1–2: эдикт о порядке избрания короля

«Ретроспективный» пассаж про безопасный проезд курфюрстов до Франкфурта оказался вставлен в текст, который изначально, по всей видимости, представлял собой заготовку императорского эдикта. Скорее всего, императорская канцелярия²⁴ привезла с собой в Нюрнберг целый ряд таких заготовок (сколько именно, мы уже никогда не узнаем), подготовленный в Праге в течение лета и осени 1355 г. (особенно интенсивно канцелярия работала, по мнению Б.-У. Хергемёллера, в октябре), чтобы представить их на

²³ См. о нем общую характеристику: *Hergemöller B.-U. Fürsten, Herren und Städte*. S. 39–41.

²⁴ О составе канцелярии Карла IV см. прежде всего: *Ibidem*. S. 56–64; *Moraw P. Grundzüge der Kanzleigeschichte Kaiser Karls IV. (1346–1378) // ZHF. Bd. 12. 1985. S. 12–42.*

обсуждение князьям²⁵. Основную часть исходного эдикта несложно реконструировать: начало фразы из § 1 главы 1 (до начала «отступления» о *conductus*) идеально соединяется с концом первой фразы в § 15 (после окончания этого отступления). Эдикт посвящен именно тому, что считается в литературе главной темой Золотой буллы, – процедуре избрания нового короля Римского. В состав свода он был включен, однако лишь в числе *последних* из нескольких эдиктов, следы которых удается выявить в итоговом тексте нюрнбергских постановлений. Столь позднее появление «руководства» по избранию короля само по себе, разумеется, еще не говорит о том, что император и князья до самого конца пренебрегали этой темой. Ведь нельзя исключить и обратного: ее могли обсуждать хоть с самого первого дня, но вот придти к соглашению сумели только ближе к концу встречи. Тем не менее, факт запоздалого включения «избирательных постановлений» в текст будущей Золотой буллы сам по себе сенсационен. Аренгу этого эдикта, как уже упоминалось выше, очевидно, отделили от текста, к которому он относился, и сделали второй частью прозаического пролога ко всей Золотой булле – менее торжественной и более деловой, чем первая.

«Эдикт об избрании короля» – как его задумали в канцелярии императора и как его включили в нюрнбергский свод – с первых же строк недвусмысленно апеллирует к «будущим временам» – *futuris tempora*, задавая тем самым, вроде бы, новую – и вполне нам сегодня понятную – модальность временных отношений. В самом деле, закон должен быть обращен в будущее. Однако при ближайшем рассмотрении дело оказывается сложнее²⁶.

Первое постановление эдикта требует от архиепископа Майнского, чтобы он созвал остальных курфюрстов на выборы нового короля. Ничего нового и необычного в этом установлении нет, за исключением указания, что срок собрания, который архиепископу следует назначить, не должен отстоять более, чем на три месяца от отправки им пригласительных писем²⁷. Однако в

²⁵ *Hergemöller B.-U. Fürsten, Herren und Städte. S. 21–22.*

²⁶ Именно этой сложности Дж. Эстерле не замечает, принимая все отсылки документа к будущему за чистую монету: *Oesterle J.R. Op. cit. S. 6–10.*

²⁷ “*Huiusmodi vero littere continebunt, ut a die in litteris ipsis expressa infra tres menses continuos omnes et singuli principes electores Frankenford super Moganum esse debeant constituti vel suos legales ad eundem terminum atque locum nuncios destinare cum plena et omnimoda potestate suisque patentibus litteris maiori cuiuslibet eorum sigillo signatis ad eligendum Romanorum regem in cesarem promovendum*” (Cap. 1, 15. S. 572).

1314 г. объявленный срок был на месяц с лишним длиннее: сохранившееся письмо-приглашение Петра Майнцкого датировано 5 июня, а датой выборов в нем определяется день святого Луки (19 октября)²⁸. Тем самым автор эдикта вступает в заочный спор с организаторами выборов 1314 г. и «исправляет» их ошибку.

Еще заметнее «полемика с прошлым» в следующем пункте, где от того же архиепископа Майнцкого требуется, чтобы объявление о предстоящих выборах он опубликовал в течение месяца после получения «в Майнцком диоцезе» известия о кончине императора²⁹. Как известно, «прошлый император» Генрих VII скончался 24 августа 1313 г., а выборы были объявлены лишь спустя 9 месяцев. В промежутке происходили совещания князей, прежде всего духовных курфюрстов (только в Ренсе на Рейне состоялось три собрания: в январе, июне и сентябре 1314 г.³⁰), но выборы не объявлялись: вероятно, князья надеялись заранее согласовать кандидатуру единого кандидата. Таким на первых порах казался юный Иоганн Люксембург, сын покойного императора, и только в конце апреля – начале мая 1314 г. стала формироваться «партия» сторонников Фридриха Габсбурга³¹. Тем самым, если бы соответствующее указание Золотой буллы было выполнено после кончины Генриха VII, корона скорее всего не ушла бы из его рода. Похоже, Карл IV на свой лад восстанавливает попорченную справедливость и ретроспективно возвращает корону главы империи своему покойному отцу. Он же, надо полагать, придумывает и механизм недопущения бесконечного откладывания выборов. Если архиепископ Майнцкий не объявляет об их проведении, остальные курфюрсты могут в течение тех же трех месяцев и сами собраться во Франкфурте³². Действуй эта норма в

---

²⁸ MGH Const. T. 5. S. 39–40. Nr. 39 (письмо адресовано архиепископу Кёльнскому).

²⁹ “Cum autem ad hoc perventum fuerit, quod de imperatoris vel regis Romanorum obitu in diocesi Maguntina constiterit, extunc infra unum mensem a die noticie obitus huiusmodi continue numerandum singulis principibus electoribus obitum ipsum et intimacionem, de quibus premititur, per archiepiscopum Maguntinensem iubemus et decernimus suis patentibus litteris declarari” (Cap. 1, 16. S. 572).

³⁰ Подробно: *Homann H.-D.* Op. cit. S. 66–113.

³¹ *Mühling C.* Op. cit. S. 50–55.

³² “Quod si idem archiepiscopus in execucione et intimacione huiusmodi negligens aut remissus fortassis existeret, extunc iidem principes motu proprio eciam non vocati pro fidei sue virtute, qua sacrum prosequi tenentur imperium, post hoc infra tres menses, sicut in constitutione supra proxime posita

1314 г., энергичный Бодуэн I вполне мог бы в первые месяцы после кончины царственного брата собрать большинство курфюрстов и провести избрание своего племянника Иоганна.

В следующем пункте эдикта речь идет о лишении права голоса тех курфюрстов, которые и сами не прибыли к месту избрания, и полномочных представителей не прислали, а если даже и прибыли, то покинули место выборов ранее назначенного срока. Ключ к пониманию этого места обнаруживается снова в событиях 1314 г., правда, трактуемых опять-таки сугубо односторонне – с позиции противников Фридриха. В назначенный Петером Майнцским день св. Луки обе группы курфюрстов со свитами, больше похожими на армии, собрались у стен Франкфурта, только сторонники Людвига – на правом берегу Майна, а их оппоненты – на левом. В последний момент – уже 19 октября – Петер Майнцкий объявил о переносе избрания на день с тем, чтобы сторонники Фридриха все же смогли переправиться на правый берег, присоединиться к остальным и проголосовать на совместных выборах³³. Однако поскольку сторонники Фридриха тоже хорошо понимали, что кандидатура Людвига наберет больше голосов, они не откликнулись на якобы дружественный жест архиепископа Майнцкого. Более того, они провели избрание своего кандидата в тот же самый день св. Луки, назначенный изначально³⁴. Формально с соблюдением даты они, возможно, были правы, но с точки зрения «правосторонней» партии, проабсбургские курфюрсты вообще так и не явились на место выборов (центр Франкфурта находится на правом берегу), не прислали никого вместо себя, а если даже и счесть левый берег (с франкфуртским пригородом Заксенхаузеном) относящимся к «правильному» месту, то они его покинули слишком рано: уже 19-го октября, тогда как «правильные» выборы состоялись только 20-го.

Следующие два «параграфа» эдикта выдержаны не в историческом, а в нормативном ключе: они посвящены приготовлению курфюрстов к выборам. Князья-избиратели должны прослушать мессу к Святому духу в главном франкфуртском храме св. Бартоломея (в 1314 г. ни одну из партий до избрания Людвига в

---

continentur, in civitate Frankenford sepedicta convenient electuri regem Romanorum in cesarem promovendum” (Cap. 1, 16. S. 572).

³³ Соответствующий нотариальный инструмент опубликован: *Mühling C.* Op. cit. S. 115–117 (Beilage III.).

³⁴ Основной ход событий приблизительно восстановлен в: *Ibidem.* S. 79–85; *Homann H.-D.* Op. cit. S. 118–125.

город не пустили) и принести клятву сделать свой выбор, как мы бы сейчас сказали, объективно, независимо ни от каких предварительных соглашений, обещаний и выплаченных кому бы то ни было денежных сумм. Учитывая, что сама процедура подачи голосов автора данного эдикта, как ни странно, совершенно не интересовала, подробный рассказ о предварительной клятве видимо имел для него, напротив, какое-то особое значение. Тут-то как раз позволительно заподозрить и в этом, вроде бы таком перспективном, установлении продолжение ретроспективной полемики с ситуацией 1314 г., которая, как известно, была в изобилии отмечена «предварительными соглашениями, обещаниями и выплаченными суммами».

В последнем «параграфе» эдикта решение, принятое большинством голосов, признается имеющим такую же силу, как и решение единогласное. Не требует доказательств, что эта норма «демократического централизма» направлена против ситуаций, подобных выборам 1314 г., когда недовольное меньшинство устроило раскол. В этом смысле данное установление тоже позволительно отнести к ретроспективно-полемическим, притом направленным на делегитимацию покойного Фридриха Габсбурга. Тут же разрешается допускать опоздавших к процессу голосования, но не начиная его заново, а продолжая с того момента, к которому опоздавшие явятся. Связь с событиями 1314 г. здесь не очевидна, но допустима: если бы тогда «меньшинство» все же перебралось на правый берег Майна и при этом опоздало к началу голосования, ради них не требовалось бы начинать выборы заново и ни у кого из «правосторонних» не возникло бы в последний момент соблазна проголосовать все же за Фридриха.

Приведенные только что наблюдения относятся к тем частям Золотой буллы, которые без изменений вошли в нее из заготовленного заранее «черновика» императорского указа. Однако обсуждение этого эдикта в Нюрнберге привело к существенной переработке изначального проекта, не все стадии которой сегодня можно восстановить. Так, три объемных раздела, посвященных поведению горожан Франкфурта в ходе подготовки и проведения выборов в стенах их города, представляются добавлениями (хотя, возможно, другие исследователи предпочтут отнести и их к исходному тексту эдикта). В любом случае, повторяющийся во «франкфуртских» разделах запрет князьям-избирателям проводить с собой в город более двухсот человек свиты, из которых лишь

пятидесяти дозволено серьезное оружие³⁵, несомненно является еще одним «воспоминанием» о ситуации 1314 г., когда обе княжеские партии привели с собой столько воинов, что франкфуртцы отказались открывать ворота как тем, так и другим³⁶. Таким образом, «ретроспективно» думали не только Карл IV и сотрудники его канцелярии, но и те из князей, кто настояли на включении «франкфуртских» разделов.

Главы 3–6: эдикт о порядке занятия мест курфюрстами при проведении императорских курий

До недавних пор историки не замечали, что нынешняя глава 3 Золотой буллы изначально открывала собрание норм, принятое на собрании в Нюрнберге, составляя тем самым ядро этого документа. Не случайно первой строкой здесь поставлена торжественная инвокация (*In nomine sancte et individue trinitatis feliciter amen*), за которой следует еще и инскрипция (*Karolus quartus divina favente clementia Romanorum imperator semper augustus et Boemie rex. Ad perpetuam rei memoriam*), причем как та, так и другая, естественно, совершенно неуместны для рядовой главы из середины свода. Данному обстоятельству до сих пор не удавалось дать сколько-нибудь убедительного объяснения³⁷. В

³⁵ “Debet autem unusquisque princeps elector vel sui nuncii predictam civitatem Frankenford cum ducentis equitaturis tantummodo prefate electionis tempore introire, in quorum numero quinquaginta tantum armatos vel pauciores introducere secum poterit, sed non plures” (Cap. 1, 17. S. 572). См. также Cap. 1, 19 и 20. S. 574.

³⁶ См. сообщения хронистов о размерах вооруженных свит курфюрстов: “<...> tanta principum, comitum ac militiae mirifica est copiositas in Frankenfurt congregata, quanta et qualis nostris temporibus, ut dicitur, insimul non est visa” (Die Königsaalер Geschichts-Quellen mit den Zusätzen und der Fortsetzung des Domherrn Franz von Prag / Hrsg. von J. Loserth, Wien, 1875 (Fontes rerum Austriacarum. Scriptores, 8). S. 367–368); “Ludwicus III. <...> per maiorem partem electorum imperii <...> in Frankenfurt est electus ad regnum cum magna potencia armatorum, quos predicti electores illuc adduxerant” (Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach. S. 30). Хронист здесь неточен: избрание произошло не в самом Франкфурте (горожане закрыли ворота перед таким количеством вооруженных людей), а у его стен.

³⁷ Согласно неуверенному мнению К. Цоймера, некий редактор унифицировал документы, вошедшие в состав Золотой буллы, оставляя их собственные аренги, но убирая датировки и другие обычные формулы, вроде инвокаций и инскрипций. В одном случае он проявил небрежность, отчего в третьей главе и остались нестертые следы прошлого: *Zeumer K.*

основе этого, самого первого (если, возможно, и не по времени составления, то во всяком случае по времени согласования и записи) раздела Золотой буллы тоже лежал самостоятельный императорский эдикт, в котором устанавливался порядок занятия мест курфюрстами при проведении императором торжественных курий – собраний того же самого рода, что проходило в Нюрнберге в начале 1356 г.³⁸

Отчетливый «ретроспективный момент» присутствует и здесь, хотя и в скрытом виде. Эдикт предполагает положить конец спорам между архиепископами Майнцским и Кёльнским о праве занимать более почетное место по правую руку от императора. Споры же эти, как известно, разгорались не раз. О подобного рода конфликтах известно в 1273, 1298 и в 1310 гг.³⁹

Однако в данном случае законодатель, оглядываясь на неприятное прошлое, все же смотрит и в будущее, ведь Карлу IV предстояло проводить свою первую «императорскую курию» (таковой как раз и стало собрание в Нюрнберге). Выходит, составители документа работали, по сути дела, над чином (т.е. сценарием) важной политической демонстрации: впервые за долгие годы ожидалось публичное явление императора в единстве и согласии со всеми высшими князьями империи. Иными словами, речь шла о *визуализации* самой империи: в европейской традиции со времен по меньшей мере поздней Античности большое политическое сообщество (прежде всего, разумеется Римскую империю) было принято представлять в виде совокупности тех или иных человеческих или антропоморфных фигур (часто аллегорических – как воображаемых, так, порой, и вполне осязаемых). Торжественная демонстрация в Нюрнберге, вероятно, действительно, состоялась: во всяком случае, о ней говорится в эсхато-

---

Op. cit. S. 25–27, 126, 134. Подробную аргументацию в пользу того, что нынешняя третья глава изначально была первым текстом, принятым в Нюрнберге, см. в: *Бойцов М.А.* Какую реальность отражает.

³⁸ Реконструкцию текста эдикта см. в работе: *Бойцов М.А.* Церемониальные коды Золотой буллы императора Карла IV // Культурные коды Средневековья / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М., 2013 (в печати).

³⁹ *Zeumer K.* Op. cit. S. 26–27. Примеры других, временами весьма ожесточенных, конфликтов среди духовных князей империи за то или иное почетное место см. в: *Goetz H.-W.* Der „rechte“ Sitz. Die Symbolik von Rang und Herrschaft im Hohen Mittelalter im Spiegel der Sitzordnung // *Symbole des Alltags–Alltag der Symbole. Festschrift für Harry Kühnel zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von Gertrud Blaschitz, Helmut Hundsbichler, Gerhard Jaritz und Elisabeth Vavra. Graz, 1992. S. 11–47.

коле прозаического пролога Золотой буллы. Согласно ему, новые постановления были приняты в присутствии государя, восседавшего на троне с короной на голове и в императорском облачении, а также всех курфюрстов, многих других князей, графов, баронов, рыцарей и посланцев городов⁴⁰.

Выходит, «будущее», занимавшее составителей Золотой буллы, было не столько «программным», сколько «ситуативным»: они заглядывали лишь на пару месяцев вперед, а не составляли сценарий для вечности. Такое впечатление только усиливается при знакомстве с последним «параграфом» данного эдикта (во всяком случае, последним из сохранившихся). В нем устанавливается (вроде бы опять-таки в «сегодняшней логике», т.е. навсегда), что на всех последующих торжественных имперских собраниях никакому другому князю, кем бы он ни был, нельзя предоставлять лучшего места, чем курфюрстам. Что же касается короля Чешского, то он будет пользоваться таким же церемониальным преимуществом перед любым королем, какими бы особыми прерогативами тот ни обладал⁴¹. Собственный интерес Карла обеспечить своим преемникам на чешском троне привилегированное положение тут очевиден. Однако о каких «других» (*alii*) князьях и государях здесь может идти речь? Из германских князей нельзя представить себе ни одного, кто посмел бы претендовать на место, почетнее, чем у курфюрстов. Следовательно, потенциальными узурпаторами могут быть только иностранцы, как, естественно, и те короли, что рискнут оттеснить короля Чешского. На скорое прибытие какого короля могли рассчитывать при дворе Карла IV летом или осенью 1355 г. (когда,

---

⁴⁰ "In solempni curia nostra Nurembergensi, assidentibus nobis omnibus principibus electoribus ecclesiasticis et secularibus ac aliorum principum, comitum, baronum, procerum, nobilium et civitatum multitudine numerosa, in solio maiestatis cesaree, imperialibus infulis, insigniis et dyademate decorati..." (Prooemium. S. 564).

⁴¹ "Decernimus, ut in celebratione imperialis curie, quotienscumque illam deinceps perpetuo celebrari contigerit, antedicti principes electores ecclesiastici et seculares iuxta prescriptum ordinem atque modum a dextris et a sinistris immutabiliter teneant loca sua, eisque vel eorum alicui in quibuscumque actibus ad curiam ipsam spectantibus eundo, sedendo vel stando nullus princeps alius, cuiuscumque status, dignitatis, preminentie vel conditionis existat, ullatenus preferatur, eo signanter expresso, quod nominatim rex Boemie in celebratione curiarum huiusmodi in omnibus et singulis locis et actibus antedictis quemcumque regem alium, quacumque eciam singulari dignitatis prerogativa fulgentem, quem quovis casu seu causa venire vel adesse forte contigerit, immutabiliter antecedit" (Cap. 6. S. 584).

видимо, составлялись эдикты)? Из какой страны появятся настолько спесивые аристократы, что попробуют оттеснить курфюрстов Священной Римской империи с их церемониальных мест?

Здесь прежде всего стоит вспомнить, не случилось ли чего-либо похожего в относительно недавнем прошлом. Действительно, в 1338 г. в Кобленце состоялось свидание императора Людвига IV с английским королем Эдуардом III⁴². Тогда гостя из Англии посадили одной ступенью ниже императора, но выше курфюрстов. Выходит, курфюрсты оказались на худших местах, чем обычно: им пришлось спуститься уровнем ниже и «пропустить» выше приезжего короля. И это в городе-резиденции одного из князей-избирателей – архиепископа Трирского, – расположенном в пределах Священной Римской империи!

Однако если чьего визита в 1355 г. и ожидали, то не Эдуарда III, а, скорее, французского государя Иоанна II Доброго, проект договора о дружбе с которым Карл IV скрепил печатью 26 августа 1355 г.⁴³ Необычный выбор места для следующего имперского съезда – города Меца на крайнем западе империи – тоже намекает на возможность усиления диалога между государями Германии и Франции⁴⁴. В Мец действительно явится с блестящей свитой правитель Франции, только это будет уже не Иоанн II, попавший в плен в битве при Пуатье 18 сентября, а его сын и наследник,

---

⁴² Подробный рассказ об этом свидании см. в: *Schwedler G. Herrschertreffen des Spätmittelalters: Formen–Rituale–Wirkungen*. Ostfildern, 2008 (Mittelalter-Forschungen, 21). S. 38–72. В связи с Золотой буллой см. с указанием мест из источников: *Бойцов М.А.* Церемониальные коды Золотой буллы.

⁴³ *Die Regesten des Kaiserreichs unter Kaiser Karl IV. 1346–1378 / Bearb. von Alfons Huber*. Innsbruck, 1877 (RI, 8). Nr. 2233. S. 180. Французский король договор не подписал, тем не менее, теплые отношения сохранялись. Не случайно дофин отправился после пленения отца и серьезных волнений в Париже за помощью именно к императору в Мец. Там он ее и получил – в размере 50000 гульденов, ссуженных ему в долг, который дофин (а потом и король) уже никогда не вернет.

⁴⁴ Если в старой немецкой литературе прямо говорилось (или же подразумевалось), что имперское собрание в Меце было антифранцузской демонстрацией, то в новой куда с большим основанием говорится о скорее союзнических отношениях между обоими правящими домами. См. прежде всего: *Weiß S. Onkel und Neffe // Regnum et imperium. Die französisch-deutschen Beziehungen im 14. und 15. Jahrhundert. Les relations franco-allemandes au XIVe et au XVe siècle / Hrsg. von Stefan Weiß*. München, 2008 (Pariser historische Studien, 83). S. 101–164, здесь S. 108–110, 112. Нейтралитет, который Карл IV занял в Столетней войне, был заведомо выгоднее Франции, нежели Англии.

ставший регентом королевства в очень трудный момент, дофин – будущий король Карл V.

Если соратники императора действительно рассчитывали на прибытие высоких гостей – дофина или даже короля – то «церемониальный» эдикт Карла IV, вошедший в состав Золотой Буллы, оказался тоже написан не в сегодняшней темпоральной логике, а в специфическом коротком «близком будущем» времени⁴⁵, к тому же, возможно, странным образом сочетающемся со временем прошедшим. Действительно, трудно допустить, что церемониальная встреча королей в 1338 г., отмеченная современниками, отсутствовала бы в сознании тех, кто, вероятно, думал в 1355 и 1356 г. об организации подобного же свидания двух монархов.

Главы 7–23: эдикты и постановления различного содержания

Остальные главы нюрнбергской части дают для прояснения интересующего нас вопроса не так много. Глава 7 представляет собой отдельный императорский эдикт, в котором вроде бы формулируется общее правило наследования светских курфюршеств, хотя основной целью является, похоже, защита якобы исконных прав Чешского королевства. Следующий эдикт (главы 8–10) продолжает ту же политическую тему и закрепляет еще ряд важных привилегий Чешской короны. Главы 11, 13–17 и 20 представляют собой собрание весьма разнородных постановлений (среди которых имеются и императорские эдикты) – совершенно не подходящий материал для выявления общих тенденций. Глава 12 – изначально самостоятельный императорский эдикт – напротив, довольно интересна. В ней вроде бы делается попытка ввести новое политическое обыкновение: отныне курфюрсты и государь должны встречаться ежегодно через четыре недели после Пасхи⁴⁶. Казалось бы, тут уж точно выражается логика сегодняшнего закона и устанавливается общая норма, ориентированная на бесконечное будущее. Однакостораживает то, что здесь же (в разрез с сегодняшним юридическим мышлением) называется конкретное место

---

⁴⁵ Этой сложной модальности Дж. Эстерле также не замечает: *Oesterle J.R.* Op. cit. S. 6–10.

⁴⁶ “Quod iidem principes electores de cetero per singulos annos semel, transactis a festo Pasche resurrectionis dominice quatuor septimanis continue numerandis, in aliqua civitatum sacri imperii personaliter congregentur...” (Cap. 12. S. 596).

и время проведения одного такого собрания: ближайшее должно состояться в «этом году» в Меце⁴⁷. Сразу же возникает подозрение, что законодатель мыслит опять не привычным нам «бесконечно-будущим» временем, а тем же самым коротким «ситуационно-будущим», вовсе не стараясь, в действительности, установить «вечную» норму. Подозрение начинает граничить с уверенностью, стоит нам узнать, что после собрания в Меце никаких попыток проводить систематические съезды больше уже не предпринималось, несмотря на наличие соответствующей строки в Золотой булле.

Главы 18–19 являются своего рода документальным приложением – они состоят из двух образцов: первый для писем архиепископа Майнцского курфюрстам с приглашением собраться на выборы короля, а второй для верительной грамоты, которую следует предъявить во Франкфурте посланцу любого курфюрста, уполномоченному голосовать от имени патрона. Скрытую полемику с делами минувшими в этих формулярах обнаружить не удастся: они опирались на уже довольно давнюю канцелярскую традицию, хотя и не воспроизводили в точности прошлые образцы⁴⁸.

В главах 21–23 продолжена тема порядка, которого следует придерживаться курфюрстам по церемониальным поводам, – сюжет, которому был посвящен самый первый эдикт – ядро Золотой буллы, ставший ее главами 3–6. Однако теперь рассматриваются новые сюжеты: места князей-избирателей в процессиях (главы 21 и 22) и очередность служения мессы курфюрстами-архиепископами (глава 23). Если авторы первого «церемониального раздела» Золотой буллы работали над статичным образом империи, то теперь им нужно принять во внимание его динамические составляющие: либо движение процессии в пространстве, либо же разворачивание церемонии во времени – на протяжении нескольких дней проведения имперской курии. Новые постановления оформлены тоже как императорский эдикт (во всяком случае, документ сам себя так обозначает), притом с важной для нас формулировкой, что эдикт этот – вечного действия⁴⁹.

---

⁴⁷ “Et ad idem tempus proxime affuturum seu anno presenti colloquium seu curia et congregacio huiusmodi in civitate nostra imperiali Metensi per nos et eosdem principes celebretur, ac tunc et deinceps die quolibet congregacionis huiusmodi locus per nos, quo sequenti anno convenient, ipsorum consilio statuatur...” (Ibidem).

⁴⁸ См. об этой традиции: *Reimann E.* Untersuchung über die Vorlagen und die Abfassung der Goldenen Bulle. Inaug.-Diss. Halle a. S., 1898. S. 37–40.

⁴⁹ “Nos perpetuo imperiali edicto decernimus...” (Cap. 21. S. 610–612).

Опять читатель готов поверить, что законодатель смотрит в бесконечное будущее, но вновь это впечатление может оказаться ложным. Само содержание «эдикта» показывает, что он появился ради разрешения ситуационных проблем, которые должны были возникнуть, раз собрание заседало несколько недель подряд, да еще и в праздничные дни, когда полагалось устраивать и торжественные процессии, и публичные богослужения с участием императора и князей. Казалось бы, такую ситуацию сотрудники Карла IV могли предусмотреть заранее и подготовить еще осенью в Праге такой же ясный распорядок, как и по поводу рассаживания курфюрстов. Однако изначально собрание предполагалось завершить еще 9 декабря⁵⁰, так что оснований сочинять сценарии для рождественских праздников у организаторов, действительно, не было. Здесь есть, впрочем, и другой существенный момент. Основу глав 21–23 составлял, скорее всего, чин, относящийся к *предстоящим* торжествам, которому придали вид императорского эдикта. Но вот включить эти главы, судя по их месту в сборнике, должны были в один из самых последних дней собрания – числа 8 или 9 января 1356 г.⁵¹, иными словами по прошествии не только Рождества, но и Сретения (в Германии еще и праздника Трех королей). Соответственно, во-первых, эти главы должны были нести для участников собрания ретроспективные моменты, а во-вторых, их темпоральность оказывается особенно переменчивой. В самом деле, задумывались они для «ближкого будущего» – ближайших торжеств, после их окончания приобрели ретроспективный налет, а после включения в состав нюрнбергского корпуса законодательных текстов стали вроде бы проспективными текстами, но, скорее всего, в действительности предназначенными прежде всего для следующего собрания в Меце (опять то самое «ближкое будущее» время).

В результате проведенного исследования выяснилось, что текст Золотой буллы, и сам по себе составной и оттого очень не простой для понимания, дополнительно осложнен еще и разнообразием соотношений между ретроспективным и проспективным взглядами «законодателя». Значительная часть свода (точнее, императорских эдиктов, в него вошедших) была посвящена «отлаживанию» не столько будущих выборов короля, сколько прошлых – неудачно прошедших в 1314 г. и приведших к долгим смутам,

---

⁵⁰ См., например: *Hergemöller B.-U. Fürsten, Herren und Städte*. S. 243.

⁵¹ Такая датировка принята в литературе: *Zeumer K. Op. cit.* S. 119; *Hergemöller B.-U. Fürsten, Herren und Städte*. S. 210 и др.

завершившихся, наконец, лишь с победой Карла IV и его коронацией в Риме. Это же прошлое оказалось предметом полемики между императором и архиепископом Кёльнским, а Золотая булла сохранила их в корне противоположные взгляды на причины событий 1314 г. До сих пор никто не предполагал, что Золотую буллу, оказывается, можно рассматривать как инструмент воздействия на историческое сознание как современников Карла IV, так и его потомков.

Что же касается взгляда законодателя не в прошлое, а в будущее, то он оказывается не столько «программным», сколько «ситуативным»: предлагаемая Золотой буллой норма рассчитана, как правило, на использование по конкретному поводу и лишь в *близком* будущем. Тем не менее, законодатель ощущает необходимость выдавать ее за норму, рассчитанную для вечного применения. Историки принимали эту внешность за чистую монету и удивлялись, почему сам же Карл IV спустя пару десятилетий не выполнял, казалось бы, установленные им самим же и записанные в Золотую буллу правила.

Список сокращений

BBKL – Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon.

HRG – Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte.

LexMA – Lexikon des Mittelalters.

MGH – Monumenta Germaniae Historica.

Const. – Constitutiones et acta publica imperatorum et regum.

SSrerGermNS – Scriptorum rerum Germanicarum Nova series.

RI – Regesta Imperii.

VL – Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. 2. Auflage.

ZHF – Zeitschrift für historische Forschung.